

**Письмо-рецензия
на монографию Русланы Гаврилюк
«Методологическая традиция
доктрины естественного права»**

Руслана Александровна, здравствуйте!

Я прочитал Вашу книгу и, если Вам это интересно, то выскажу несколько соображений. Правда, более важным в нынешней ситуации, мне кажется, начать с того, чтобы выразить свою искреннюю солидарность с украинским народом и, конечно, скорбь по поводу погибших и гибнущих людей в Украине. Это — трагическая страница в истории Украины и совершенно катастрофическая — для России. Моя бабушка — из Полтавы, дедушка — из Белоруссии, а родители моей мамы — русские. Но даже если бы не мои корни и не наша общая жизнь в СССР (что особенно больно), то для любой страны такой ужасный поворот событий в ответ на естественное желание народа построить более справедливое и более демократичное общество кажется неправдоподобным кошмаром! Дай Бог, чтобы все это скорее прекратилось. Украинский народ — выстоит! Я в этом не сомневаюсь! В такой ситуации всегда трудно что-то говорить, поэтому, если что-то Вам показалось не так, то простите.

Теперь о монографии. Оговорюсь сразу, что я не претендую на истину в последней инстанции ни тогда, когда чем-то восхищаюсь, ни тогда, когда набираюсь окаянства с чем-то не согласиться или, еще хуже, — покритиковать. Да, я ведь не просто пишу рецензию, а делюсь впечатлениями, высказываю свое мнение, вот, пожалуй, и все, на что я претендую. Конечно, в любом случае я очень рад, что Николай Николаевич Тарасов показал мне Вашу книгу на одной из наших с ним теоретических встреч, а Вы были столь любезны мне ее выслать, за что Вам еще раз благодарен. В итоге это мое лето оказалось очень приятным, благодаря работе с Вашей книгой.

Сначала самая общая оценка: оценка в целом — очень высокая! Книга много-

плановая, глубокая и серьезная. Автор демонстрирует блестящую эрудицию и высочайшую квалификацию в области истории философии, философии права и в области методологии, разумеется, тоже. Мне понравились все разделы, но, по нисходящей и практически почти точно в обратном порядке: лучше всего, глубоко, основательно и очень интересно, с моей точки зрения, написаны 6 (!) и 5 разделы, потом 4, 2, 3 и, наконец, первый. Но в любом случае моя оценка варьируется от «блестящей» либо «отличной» до, в самом крайнем случае, «очень хорошей». Книга хотя и «сложна» в значительной степени из уже хорошо знакомых нам «кирпичиков» — взглядов и теорий предшественников, но они представлены под иным углом зрения, для решения других — именно авторских — задач, и в итоге формируется яркое новое качество — собственное и весьма красивое «здание», принадлежащее перу автора. Новизна, как мне кажется, в основном в Ваших очень интересных методологических рассуждениях, которых хотя и не так уж много в работе (по объему и содержанию), но они очень «фундированы».

Общая критика в том, что книга получила в большей степени (уточню, что и по содержанию, и буквально по объему текста тоже) историко-философская, а затем уже философско-правовая и методологическая. Правда, там, где Вы время от времени выходите в методологический дискурс — он блестящий! Правда, методологического анализа в некоторых подразделах (главах) очень и очень мало. Складывается впечатление, будто автор исходит из того, что читателю и так должно быть все ясно из анализа чисто философских или философско-правовых конструкций того или иного мыслителя. Хотя там, где выходите, наконец, в соб-

ственно методологический дискурс, то делаете это практически везде на исключительно высоком уровне, который является, как мне показалось, крайне редким для нашей юридической литературы!

Понимаю и в какой-то степени оправдываю, что нельзя раскрыть методологию, способы работы и познавательные инструменты каждого мыслителя без подробного анализа его философских и философско-правовых взглядов. Может быть, даже и оправдываю (почти полностью) такой сильный крен всего «корабля» в историю философии потому, что и сам не очень хорошо представляю, как можно было бы говорить о способах работы мыслителя, о его познавательных приемах и техниках в познании права и естественного права, не раскрыв сперва или в процессе анализа основные результаты его работы в области «чистой» философии и философии права. А может быть, даже и, напротив, книга от этого только выиграла в своей доказательности: тех очень и очень небольших фрагментов, где Вы посвящаете себя собственно вопросам методологической традиции естественного права, то есть теме, вынесенной в заглавие книги (я все время думал, особенно когда читал еще первую часть Вашей монографии, какое другое более точное название можно подобрать для Вашей работы, но где-то к концу постепенно смирился с тем, как она Вами названа и решил не обсуждать эту тему в дальнейшем). Но то, что книга приобрела в итоге не только исключительно научный, но также еще и великолепный педагогический вес — это бесспорно!

Вполне приемлю также и большой объем цитирования, ибо любое переложение чужих слов и идей всегда субъективно и неизбежно в той или иной мере акцентуировано. Правда, к сожалению, там, где цитирование, как мне казалось, было бы очень необходимо — в обосновании потребностного подхода Сократа — его как раз и не достает очень сильно. А без прямых текстов, на которые Вы ссылаетесь, квалификация Вами взглядов Сократа как «потребностного подхода к правопониманию» (с. 100) мне кажется самым спорным местом книги. «Потребностный подход к правопониманию» Сократа — эта гипотеза, с моей точки зре-

ния, не доказанная, не обоснованная, не правдоподобная, короче, сплошная модернизация. Я смотрел те Ваши ссылки на первоисточники, где была указана пагинация, но ничего близкого не нашел. Там, где были указаны только страницы из недоступных мне книг, то я не мог проверить, какие места Вы имеете в виду, ибо понятно, что я не держу в своей голове все тексты Сократа, но по памяти мне такая его интерпретация кажется очень маловероятной. Вы выводите «потребностную» теорию Сократа, как мне показалось, не из его текстов или того, что он мог бы сказать или подумать, а из Ваших собственных интерпретаций Ваших же слов, причем слов, свободно прыгающих над текстами первоисточников и потому несколько оторванных от них, то есть от самого Сократа и от его рассуждений. Кроме того, в первой главе потребностная интерпретация Сократа не очень плотно увязывается с доктриной естественного права (Вы немного исправляете эту ситуацию в Заключении работы, добавив несколько положений для построения указанной связки).

Простите за несогласие по этому поводу, но во всем остальном глава о Сократе, о его методе и весь контекст, в котором он показан читателю, написана блестяще, даже с какими-то вполне оправданными художественно-поэтическими отступлениями и образами (я тоже не перестаю восхищаться Сократом, когда возвращаюсь к его жизни и мыслям). Буду рад, если Вы укажете в какой-то из своих следующих публикаций те слова Сократа, из которых прямо и вытекают Ваши выводы о его «потребностном подходе к правопониманию». И тогда уж раскройте заодно, пожалуйста, подробнее, как Вы от такой «определяющей черты добра» как «способность удовлетворять реальные человеческие потребности» в следующем же предложении перешли к выводу-квалификации его концепции правопонимания как потребностной, а не этики, как ожидалось (этот переход мне тоже не кажется обоснованным). Читатель может сделать вывод, что Сократ и (или) автор отождествляют мораль и право. Вообще-то, Сократ, каким мы привыкли его воспринимать, связывал не добро и потребности, а добро и знания.

Формат коротенького письма не по-

зволяет обсуждать мне (как мне хотелось бы это сделать) каждую мысль автора книги и многие важные фразы и формулировки — ни как те мысли и формулировки (которых очень и очень много, поэтому читать книгу «по диагонали» просто невозможно, а нужно делать выбор из двух вариантов: либо очень медленно прорабатывать ее, следя в том числе за всеми ответвлениями мысли автора в сносках, либо не читать книгу вовсе), которые мне кажутся очень интересными, ни те, которые вызывают сомнения и крайне редко — даже недоумение. Последнее относится, например, к блестящей в целом характеристике взглядов Эрлиха, но блестящих лишь самих по себе, без отнесения к названию книги. Каким образом социологическая юриспруденция вписывается в «методологическую традицию доктрины естественного права»? В этой части работы Вы увлеклись юридической методологией вообще (а не одной только методологической традицией доктрины естественного права) и забыли на некоторое время про название книги. Ну, и ладно. Не страшно. Мне лично интересно было прочитать все, что Вы написали про Эрлиха (я разделяю все Ваши подходы к оценке его творчества и в том числе мне тоже не понятно, почему ему вдруг приписывают некую «интегративность»). Приятно сознавать, что он — Ваш земляк (в советское время я бывал в Вашем прекрасном городе и видел величественное здание университета, который красив не только архитектурно, но и духовно, имея глубокие европейские традиции).

Еще из оглавления я обратил внимания на некоторую несостыковку с названием книги рассматриваемых в ней учений Евгения Эрлиха и Петра Моисеевича Рабиновича. Если в первом случае Вы не стали делать никаких оговорок о том, почему Вы рассматриваете в Вашей книге учение Эрлиха, то во втором случае — напротив, попытались обосновать свой выбор. Я внимательно прочитал Ваши обоснования (в сноске), которые меня, к сожалению, не очень-то убедили. Может быть, они бы меня убедили больше, если бы я не знал лично Петра Моисеевича и не беседовал с ним о его взглядах на право. Отдельные высказывания Петра Мо-

исеевича, сделанные им в последнее время, не могут перечеркнуть всего его учения в целом, которое не относится к доктрине естественного права. Как говорится, находящиеся на периферии положения, так называемый вынужденный (социокультурная ситуация — иная) защитный пояс доктрины пока еще не изменили ядра концепции Петра Моисеевича. Хотя, может быть, за последние годы он и пошел в этом направлении, как указывают на это приведенные Вами его отдельные высказывания. Такая его эволюция, может быть, и есть вещь вполне закономерная для таких крупных ученых, как П. М. Рабинович, как, кстати, это было характерно и для Сергея Сергеевича Алексеева (они — большие друзья с Петром Моисеевичем), который в последние годы тоже стал уходить от позитивизма и, может быть, ушел даже еще дальше, чем Петр Моисеевич.

П. М. Рабинович был моим оппонентом по кандидатской диссертации (1986 год) и потом мы с ним очень подружились. В советское время я несколько раз ездил в Трускавец и еще пару раз — туда же, но уже после распада СССР. Я заезжал к Петру Моисеевичу в гости, и мы обсуждали с ним доктрину естественного права, против которой он выдвигал многие позитивистские аргументы, которые обсуждает, например, Алекси в своей гениальной книге «Понятие и действительность права» (странно, но когда я читал Алекси, то вспоминал именно наши разговоры с Петром Моисеевичем и его позитивистские, точнее, общие для всех других позитивистов, аргументы против доктрины естественного права; ему я тогда, как мне кажется сейчас, почти ничего серьезного не смог противопоставить).

Еще один момент, на котором я вынужден остановиться чуть подробнее, — раздел 4. Все изложено очень глубоко, красиво и основательно. Однако здесь Вы достигли максимума в нормативном методологизировании, хотя в последнее время специалисты в этой сфере отдают предпочтение методологии описательной. Последняя, как представляется, приносит гораздо больше плодов. Всем уже давно известно, что методология

правопознання Нового времени была механистичной, не соответствующей предмету исследования. Был бы смысл двинуться дальше в изучении нововременного наследия. При чтении этого раздела у меня даже сложился образ очень строгой учительницы методологии (поясню, что этот образ не относится к Вам лично, как можно подумать с первого взгляда, а относится ко всему течению в методологии, которое хорошо знает, как нужно исследовать «правильно» и как «на самом деле» строить верные идеализации, а как поступать — совершенно неправильно, ошибочно и очень нехорошо с методологической точки зрения, хотя такой корифей философии науки, как П. Фейерабенд, кажется, доказал, что «как правильно» не бывает, ибо в научном исследовании «все позволено»). Так вот, эта учительница методологии очень строго обращается к классу по вопросу проверенного ею домашнего задания, рассекая со свистом воздух своей указкой и вынуждая тем самым своих учеников с испугом втягивать головы в плечи: «Вы все представили совершенно ошибочные, методологически неверные идеализации», «перепутали предмет исследования», «использовали не адекватную предмету исследования методологию», допустили «грубые методологические ошибки» (последнее выражение — одно из Ваших самых любимых выражений, которое часто встречается в работе, хотя практически всегда применяется вполне уместно). Понятно, что ученики в классе — это Гуго Гроций, Томас Гоббс, Джон Локк, Бенедикт Спиноза и один отличник, которого учительница по методологии ругала меньше всего, так как он все-таки — отличник и вообще — лучший в классе — Имануил Кант, хотя и он не все понял правильно до конца и не знает, как нужно верно решать некоторые методологические задачи.

Если серьезно, то многие методологи и Вы в данном случае, как мне кажется, тоже постоянно проходят мимо одной очень интересной проблемы, которую я попытаюсь сформулировать таким образом. Механицизм методологии философов Нового времени? Да. Неверные, ошибочные идеализации? Видимо, тоже да. Короче, заведомо неподходящая ме-

тодология, что давно всем стало понятно. Как говорят юристы, покушение с негодными средствами. Но все это — только с одной стороны. А с другой стороны: РЕЗУЛЬТАТЫ! Результаты, которые составили основу современного конституционализма в области прав человека и в области взаимоотношения государства и гражданского общества. Конституции всех цивилизованных государств (и некоторых не очень цивилизованных — тоже) основаны в своем фундаменте на том, что было сделано в Новое время. Вы об этом и сами пишете и ссылаетесь на других авторов, которые отмечают вклад мыслителей Нового времени в современную правовую культуру (например, с. 315—316: П. И. Новгородцев, И. А. Покровский, но наиболее ярко сказал об этом О. Хеффе). Отсюда — очевиднейшая методологическая проблема. Как стало возможным, что, используя негодные познавательные инструменты, авторы внесли в современную цивилизацию такой колоссальный вклад? (Вы можете, кстати, назвать более фундаментальное открытие, чем обоснование права на жизнь как основного, неотъемлемого, что было сделано в Новое время? Буду очень рад узнать, если что-то такое имеется...).

Я разделяю Ваш пиетет по отношению к одному из ведущих в мире методологов — В. С. Степину, но его уверенность в том (например, его слова на с. 325), что применение негодной методологии приводит к поражению в научном исследовании, опровергается достижениями мыслителей Нового времени. Они использовали негодные познавательные средства и получили выдающийся и неоспоримый результат. Следовательно, прав Фейерабенд, что иногда все, что не делается, делается к лучшему, но это — крайне простой и поверхностный ответ. Я думаю, что последний автор, может быть, и не имел в виду того, о чем пишу здесь я, а именно то, что даже применение заведомо негодных познавательных средств приводит порой к хорошему результату. Как это возможно??? Вот — серьезная методологическая проблема, достойная размышления; иначе мы проходим мимо противоречия, о котором я здесь говорил (инструмент познания —

плохой, а результат — хороший). В естественнонаучных исследованиях нечто подобное тоже бывает, и тогда говорят, что открытие сделано случайно (искали одно, а нашли нечто совершенно неожиданное) или просто не могут объяснить, как оно сделано.

Кстати, было бы методологически интересно пообсуждать «проблему Канта», о которой упомянул Р. Алекси в своей монографии (Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ...). — М. : Инфотропик, 2011. — С. 149), а Вы почему-то ее не коснулись, тем более, что, как я понял по ссылкам, Вам доступны все основные европейские языки (это внушает дополнительное уважение к автору, а я, например, остановился лишь на доступном для чтения уровне английского и французского, и так и не освоил немецкий за текучестью нашей жизни, хотя и начинал его учить после защиты кандидатской диссертации и цель-то была серьезная на тот момент: прочитать Гегеля в подлиннике). Эта проблема — безоговорочный приоритет позитивного права над правом разума, обоснованный Кантом с помощью права разума, что не соответствует его естественно-правовому устремлению в целом. Возможно, что ответ на это противоречие может дать лишь методологический анализ. Не сомневаюсь, что Вы бы смогли найти удовлетворительное объяснение этому парадоксу, если бы он Вас заинтересовал.

Вторая проблема — вклад философии и методологии в культуру. В целом — бесспорный, фундаментальный и очевидный, но в некоторых конкретных случаях — иной (крайне слабый или вовсе нулевой, если не отрицательный, когда, например, экстремистские силы пользуются, может быть, часто и не основательно «научными» построениями каких-то мыслителей). Мне кажется, что не всякие теории и, прежде всего, очень сложные философские и методологические «рисунки», хотя и признаются другими исследователями интересными, но не всегда оказывают значительное влияние на развитие культуры и, в нашем случае, правовой культуры тоже. Авторы, которые пишут очень сложно (раньше таких было меньше, как мне кажется) становятся доступными для понимания не бо-

лее, чем нескольким десяткам дипломированных докторов философии в мире, и при всем восхищении последних такими трудами они не всегда оказывают значительное влияние на культуру общества. Это не значит, что фундаментальные исследования надо останавливать, я не про то говорю. А про то, что они с их теориями как бы «капсулируются» (даже если все или многие на них ссылаются и делают вид, что их хорошо понимают) и поэтому не оказывают особого влияния ни на культуру в целом, ни на правовую культуру в том числе и, в особенности, когда мы пытаемся приложить их методы к исследованию права. Выход из всех сложнейших философских и методологических теорий может быть потрясающим, но такое бывает в истории крайне редко. Например, Хайдеггер — интересен, увлекателен и Ваши выводы про его вклад в методологию естественно-правовой доктрины, а затем выводы А. В. Стовбы (согласусь с Вами, что Алексей Вячеславович — талантливый и глубокий исследователь, который в своей работе продемонстрировал редкий по глубине методологический анализ) — крайне важны. Онтологизация естественно права, которая вытекает далее, есть исключительно важный вывод и очень серьезный шаг вперед в развитии методологии и самой доктрины естественно права. И здесь у Вас опять — блестящий анализ, имею в виду анализ доктрины Хайдеггера (это не значит, что другие авторы в 6 разделе проанализированы хоть в чем-то хуже), причем анализ — на вполне доступном «человеческом», а не на птичьем языке, чем страдают многие философы и некоторые методологи; и еще одна похвала, хотя и в скобках: при всей сложности Вашего текста я не нашел ни одного словосочетания в Вашей книге, которое было бы написано птичьим языком, что для исследований такого предмета и такого уровня, опять же, — исключительно большая редкость). Мне, чтобы пояснить мою мысль, проще, наверное, привести метафору, которая относится не к Вашему тексту, а к некоторым современным авторам, которых Вы анализируете: для них такой вариант, когда мужик заходит в избу и, просто пошарив в темноте ру-

кой по полу, находит топор под лавкой, абсолютно неприемлем. Наш современник предпочитает с зависшего над избой вертолета спуститься по висячей лестнице, проникнув в дом через окно, и при помощи прибора ночного видения найти тот же самый топор под лавкой. Это метафора для очень сложной и бесспорно интересной философии и методологии, но часто ее бывает применить не к чему, а сама по себе она вполне новаторская, интересная, увлекательная, глубокая и — главное — может когда-нибудь пригодиться: как в приведенной выше метафоре, когда такие сложные техника и телодвижения (аналогия со сложными мыслительными конструкциями) пригодятся для того, чтобы, например, спастись людям во время наводнения.

Повторюсь, что мне очень понравился Ваш анализ Хайдеггера и демонстрация применения его методологии в работе А. В. Стовбы. Однако вызвало некоторое разочарование, что на выходе его сложные построения дали нам давно известные знания: сущность позитивного права — общеобязательная нормативность, формальная определенность и государственная обеспеченность; сущность же естественного права может быть заключена в справедливости (с. 689). И мне показалось, что нам это уже давным-давно знакомо (от того простого крестьянина с его примитивной методологией, который очень просто и гораздо быстрее нашел тот самый топор под лавкой)... Некоторые могут сказать, а не подгонка ли это под уже имеющийся ответ, то есть, возможно, что эта одна из тех интереснейших головоломок, про которые писал Т. Кун и которую А. В. Стомба блестяще решает и ценность его работы — исключительно в силе методологии, которую он применил к анализу права. Повторюсь, что я не против фундаментальных и, тем более, не против методологических исследований в том числе. Они необходимы, но заниматься только ими одними сегодня уже недостаточно. Надо бы уже по аналогии с естественными науками выходить в область технологий. Если бы фундаментальные открытия не привели рано или поздно к созданию самолетов, смартфонов, компьютеров и т. д., то зачем они нужны были бы, в конечном

счете. Это — третья проблема: заниматься одним, хотя и весьма филигранным методологическим анализом, как это делает А. В. Стомба, не всегда достаточно (Ваша книга — приятное исключение из этой ситуации и проблемы, потому, что она «вытаскивает» скрытую у мыслителей методологию на поверхность и показывает реально, а не на словах, как нужно проводить методологический анализ). Нужно переходить к простраиванию связей теорий самого высокого уровня с теориями среднего уровня для того, чтобы затем на их основе создавать какие-то эмпирические модели для реализации положений теории самого высокого абстрактного уровня и т. д. Скажем проще, как сделать работающей ту же теорию естественного права, разделения властей, ограничения внедрения государства в жизнь гражданского общества вообще и в каких-то конкретных вопросах в особенности, чтобы сделать юридическую науку более эффективной в конструкторско-ориентированном плане. Вообще, я студентам говорю, что конституционная юстиция — это онтологизация естественного права. Под это утверждение необходимо, конечно, подводить серьезную методологическую и научную базу, но интуитивно мне оно кажется очевидным и, опять же, интуитивно более продуктивным направлением в поиске онтологизации естественного права, чем ее хайдеггеровская отнтологизация. Вот такие у меня научные и методологические фантазии.

С Вашей критикой моих коллег Д. И. Гунина и А. Ф. Черданцева (с. 732—734) полностью согласен (т. к. я — «прирожденный» юснатуралист), но в оправдание должен заметить, что и такая традиция (отрицания прав человека и, тем более, прав неотчуждаемых), к сожалению, тоже существует и имеет свои корни (французы внимательно изучают эту традицию, например: *Bentham contre les droits de l'homme. Sous la direction de Bertrand Binocch et Jean-Pierre Clero. Paris: PUF, 2007*). Да, и методологические мифы по поводу того, что научное исследование начинается с эмпирических поисков — мифы, которые полностью уничтожил, например, Карл Поппер в «Логике научных исследований» и

других своих работах все еще не редкость в нашей науке, особенно юридической. Можно было бы вспомнить мысль Т. Куна, что ученые, настаивающие на старой парадигме, когда все уже работает в новой, перестают быть учеными *ipso facto*, если бы эти две парадигмы, в которых размышляют или думают, что размышляют указанные авторы — познавательная, эмпирическая и отрицающая прирожденные права человека — не составляла сегодня большинства, по крайней мере, в российской юридической науке.

По поводу Вашей интерпретации природы налогового права разделяю весь пафос и, кажется, что некоторые похожие, приблизительные идеи (скорее, как догадки, а не в форме как у Вас разработанной теории) уже встречал в литературе (С. И. Архипов, мой друг и коллега, в двух своих монографиях, кажется, очень коротко затрагивал эту идею и по отношению к налогам, но в более широком теоретическом плане, а именно в том, что субъект должен бы сам принимать более плотное участие в правотворчестве и в правосозидании и т. д.). Правда, мне показалось, что конструкция Ваша требует еще некоторой доработки. Например, в ней недостаточно акцентируется внимание на общих нуждах (в противовес необходимости функционирования публичной власти, хотя последнее и само по себе необходимо для реализации этих общих нужд социума). Кроме того, методологически потребностный подход, как мне кажется, опирается на познавательную традицию где-то между Новым временем и временем возрожденного естественного права (я могу и ошибаться, разумеется).

Должен отметить, что положения о военной демократии сегодня инкорпорируются в более сильную и более современную теорию происхождения государства — теорию чифдом. У нас это хорошо описал В. С. Васильев, начиная с его статьи в журнале «Народы Азии и Африки» где-то в 80-е годы и потом он раскрывал ее в его книгах по истории Китая и Востока в целом. Из теоретиков государства о ней знает только А. Б. Венгеров (может быть, и еще кто-то написал об этом в последние годы, кого я сейчас пропустил

или не вспомнил, или их и не было вовсе). Остальные, подавляющее большинство теоретиков государства как-то прошли мимо. В этой теории хорошо показывается, что функция налогов возникла из необходимости создания общих резервов для общества, а не для содержания власти как таковой (что мне кажется крайне интересным в ракурсе Ваших предложений о сущности налогового права). Интересен исторический анализ этого периода (происхождение раннего государства и становление древнего, полного государства) в трехтомнике «История древнего мира» (под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Наука; Главная редакция восточной литературы издательства, 1989). Разумеется, что авторы Кембриджской истории древнего мира (на которую Вы ссылаетесь в своей книге) тоже «в курсе» этой теории.

В любом случае спасибо за интересную работу. Полагаю, что Ваша книга является очень серьезным и заметным явлением на небосклоне современного научного теоретического и, особенно, методологического творчества. Уверен, что Вашу работу надо обязательно читать любому теоретику и мудрому отраслевому, который пытается выйти за рамки законовещения.

Из технических замечаний (или пожеланий рассмотреть эту сторону дела тоже): время от времени встречаются повторения, в том числе повторение больших цитат в тексте и в выводе (в выводах цитаты, как правило, вообще не нужны, а большие по объему цитаты — тем более, как мне кажется). Например, блестящие слова Ф. Роде объемом в одну страницу мелкого шрифта (что абсолютно оправдано в одном случае) Вы приводите дважды: на с. 228 и на с. 262 в выводах к разделу. Хотя в целом все выводы в конце каждого раздела — великолепные! Однако иногда они повторяют некоторые места дословно, а в параграфе (главе или подразделе), кажется, о Кистяковском, Райнахе и в другом разделе — о Хайдеггере некоторые места из текста повторяются в выводах к параграфу, а потом еще немного — и в общих выводах к разделу.

Хотя и крайне редко, но встречаются опечатки, особенно это неудобно, когда они попадают в ключевых выводах. Некоторые повторяющиеся опечатки — стандартные — как результат правки: например, меняется связка «есть» на «является» или наоборот, а дальнейшие слова не приводятся с новой связкой в грамматическое соответствие. Мне показалось, что в книге встретилось два или три слова, которые больше похожи на слова украинские, чем слова с опечатками, и они, сами по себе, не совсем понятны читателю, не знающему украинского языка, а перевод мне не удалось найти в

Интернете (например, на с. 574 — «висывається», хотя, если заменить его по смыслу другим словом, то такая замена не нарушает течения авторской мысли).

Думаю, что уже давным-давно перебрал допустимый объем письма и таким образом злоупотребил Вашим вниманием. Но все, о чем я не сказал, мне очень нравится. Я постарался сосредоточиться на спорных местах, ибо полагаю, что Вам было бы скучно слушать сплошные комплименты.

Желаю Вам успеха и буду ждать новых интересных работ методологической направленности прежде всего.

С уважением, **Семитко Алексей Павлович**,
доктор юридических наук, профессор,
декан юридического факультета
Гуманитарного университета г. Екатеринбурга (ГУ),
заведующий кафедрой публичного права ГУ,
зам. председателя Уральской школы прав человека,
приглашенный проф. Университетов Париж-Х,
Париж-ХІІ, Клермон-І (Франция).